Внезапно среди зрителей раздался громкий голос.

Фелио, прищутив свои серебристые глаза, пристально посмотрел на Эрмеделину.

верно. Вирусы... болезни могут передаваться через слюну или кровь.”

Эрмеделин чуть было не ляпнула “вирус и бактерии”, но быстро передумала.

Однако, почувствовав внезапное напряжение в воздухе, она начала задумываться, не сказала ли она что-то не так, и начала следить за реакцией окружающих.

Но Фелио, не сказав ни слова, резко вышел из зала.

‘Что... Что происходит?’

На краткий миг замешательства, когда Эрмеделина отвела взгляд, она увидела серьезное выражение лица Вальер.

Нет, скорее, это был не серьезный взгляд, а взгляд, который, казалось, бесконечно куда-то уходил.

Ее карие глаза, остановившиеся на бесстрастном лице, постепенно превращались в темную бездну.

‘Что, что происходит? Почему он такой? Я сказала что-то действительно странное?’

В отличие от перешептывающейся толпы, Вальер продолжала упорно смотреть на Эрмеделину с бесстрастным лицом.

После того, как церемонии для провинциальной знати наконец завершились, в зал для аудиенций начали входить простые люди.

К счастью, не было ни полных ненависти взглядов, ни слов проклятий, которых она ожидала.

Никто не осмеливался взглянуть на императрицу, и никто не хотел с ней общаться.

Они просто обращались с ней так, как будто её не существовало.

Однако Эрмеделина прекрасно это чувствовала.

Водоворот страха и ненависти окутывает этот огромный зал для аудиенций.

"Мне это совсем не нравится".

Она подумала, что, возможно, было бы лучше вместо этого проклинать и сквернословить.

Находиться в полной изоляции среди толпы было так же неприятно, как и быть презиаемым.

"В любом случае, это все та же старая история".

По мере того, как она слушала, это начинало надоедать.

Она была знакома с упомянутыми эпидемиями и беспорядками на границах, которые не были подробно описаны в романе, переплетаясь с трагическими историями о засухе.

Удовольствие никогда не надоедает, в отличие от трагедии.

К сожалению, эмоциональный порог преодолевается гораздо быстрее, когда сталкиваешься с трагедией.

Как раз в тот момент, когда её скудный интерес уже начал перерастать в скуку, появился Фелио, словно только что вернувшийся откуда-то.

- Почему ты так быстро ушел? Она задумалась, стоит ли спросить его об этом. "Нам все равно придется встретиться снова из-за суда".

Однако, вопреки своим мыслям, Эрмеделина не могла избавиться от тревожного чувства всякий раз, когда видела Фелио. По правде говоря, она не хотела часто с ним сталкиваться.

Его ледяная внешность идеально соответствовала его холодному поведению.

Более того, согласно оригинальной истории, разве он не был второстепенным персонажем, которому в конечном итоге удалось сжечь её заживо, охваченный ненавистью к ней?

Не было ничего удивительного в том, что у неё по спине пробежал холодок каждый раз, когда она его видела.

" Ах!!

Погруженная в свои мысли, Эрмеделин внезапно повернула голову на раздавшийся громкий

крик.

На руках у родителей был маленький ребенок, которого рвало ярко-красной кровью.

“Это, это эпидемия!! Ааааа!!”

Родители, державшие ребенка на руках, были слишком напуганы, чтобы знать, что делать, а остальные люди, опасаясь заражения, поспешно покинули зал для аудиенций, превратив его в хаос.

“Позовите священника, позовите священника!”

Солдаты, охранявшие Генри, закричали, чтобы позвали священников, и преградили ему путь.

Стражники окружили только Генри и Вальер, исключив Эрмеделину, как будто это было самым естественным поступком.

“Даже если она злодейка, это заходит слишком далеко!”

Эрмеделина, несмотря на то, что была нынешней императрицей, не могла поверить в дискриминацию, с которой столкнулась. Она была совершенно ошеломлена.

Когда она собиралась выразить свой протест, она заметила, что цвет лица ребенка постепенно становится синюшным по мере того, как её рвало.

‘Если они оставят ребенка в таком состоянии, он может задохнуться!’

Мысль о том, что ребенок может умереть, побудила Эрмеделину двигаться почти рефлекторно.

Родители ребенка были поражены, когда Эрмеделин приблизилась, и отступили на шаг, но Эрмеделин оказалась проворнее, подхватив ребенка на руки.

Ребенок у неё на руках был невероятно маленьким и хрупким.

Эрмеделин осторожно положила ребенка на пол и рукой соскребла рвотные массы с его рта, который был наполнен ярко-красной жидкостью.

“Малыш! Держись! Ты не можешь умереть! Ты не должен!!”

Она засунула руку глубоко в горло ребенка, чтобы очистить его от рвоты, и постепенно

почувствовала, что дыхание ребенка стабилизировалось.

"Дыши, малышка! Пожалуйста, дыши!!"

Как только Эрмеделин убедилась, что дыхательные пути свободны, она, не колеблясь, прикрыла рот ребенка, который все еще был перепачкан рвотой, и приступила к искусственному дыханию.

Она хотела сделать искусственное дыхание так, как её когда-то учили, но боялась, что хрупкое тельце ребенка может сломаться в процессе. Пока она колебалась, появился священник Луиза.

Луиза выглядела более удивленной, увидев Эрмеделину, сидящую перед ней в слезах, чем ребенка на полу.

"Было почти слишком поздно. К счастью, похоже, что её величество императрица действовала быстро".

"Ребенок... С ребенком все в порядке?"

- Спросила дрожащая Эрмеделина, и Луиза молча кивнула.

- По-видимому, это начальные симптомы эпидемии, но она находится на стадии, поддающейся лечению".

- О, я понимаю.

Когда её охватило чувство облегчения, все напряжение в теле Эрмеделины исчезло. Она села на пол с озадаченным выражением лица и наблюдала, как к малышке возвращается ровное дыхание, и на её лице появилась вымученная улыбка.

"Мне повезло, что на этот раз я спасла их".

Люди, оставшиеся в зале для аудиенций, особенно те, кто лично знал Эрмеделину, были поражены разворачивающейся ситуацией, и на их лицах отразилось неодинаковое удивление.

Генри скрывал бешеное биение своего сердца за внешним спокойствием, в то время как Вальер так сильно сжала кулаки, что из-под ногтей у неё потекла кровь, и она вся задрожала.

Фелио удавалось сохранять относительное спокойствие, но даже уголки его глаз, казалось, слегка подрагивали, как будто он не мог полностью контролировать свои эмоции.

Пока священник Луиза с состраданием осматривала младенца, её непроницаемый взгляд был устремлен на Эрмеделину, которая сидела на полу.

“Я вспомнил... Я вспомнил это...”

- Ваше величество, императрица?

“Да... Вот как это случилось...”

“Ваше величество, императрица!”

Под напором Луизы Эрмеделина с трудом восстановила самообладание, и в её глазах появилась решимость.

“Хотя это и легкое заболевание, у вас был контакт с пациентом, у которого прогнозируется эпидемия, поэтому вы должны пройти курс очищения”.

“Очищение?”

"да."

“Это что-то вроде дезинфекции? Если да, то я должен это сделать. Почему у всех такие серьезные лица?”

“Если это необходимо, то я должен”.

“Вы серьезно?”

"Хм?"

“Если ты очистишься священной силой, то не сможешь использовать силу крови около двух дней”.

“Ах...”

“Проклятие и благословение - полярные противоположности. Тем не менее, я проделал весь этот путь в этот мир не для того, чтобы умереть от болезни...”

“Это не имеет значения. В разгар таких потрясений в королевстве императрица не может позволить себе заболеть, не так ли?”

“Понятно. Я немедленно проведу очищение”.

Ослепительный, но в то же время какой-то нежный свет на мгновение окутал тело Эрмеделины, прежде чем исчезнуть.

- Все готово?

"да. На какое-то время вы должны быть в безопасности от эпидемии.”

“спасибо”.

Беглый взгляд показал, что Луизе все еще было неловко слышать слово “спасибо” из уст императрицы.

Вздых

‘Впереди еще долгий путь. Почему жизнь должна продолжаться таким образом?’

Удивленные взгляды людей и похвалы Генри не вызвали особого энтузиазма у Эрмеделин.

Воспоминания о том времени, когда она только что переселилась, смутные, как туман, всплыли на поверхность. её возлюбленный, с которым она прожила семь лет, сказал это перед тем, как расстаться с ней:

“Я действительно благодарен за все, что у нас было. Но теперь я хочу прекратить так жить. Я хочу наслаждаться семейными благами и жить более стабильной жизнью”.

Ее возлюбленный, который вместе с ней вырос в детском доме и стал взрослым, вручил ей конверт.

- Я немного подумал об этом. Это не значит, что я хочу принизить твои чувства или что-то в этом роде. Просто..... Я благодарен, так что...

Хотя она хотела выбросить конверт обратно, думая, как она может принять от него эти деньги, Хен просто приняла их.

Сколько денег она потратила на образование своего возлюбленного, от колледжа до сдачи экзаменов? Столкнувшись с реальностью, её гордость оказалась бессильна.

Хен небрежно открыла конверт и заглянула внутрь. С первого взгляда было ясно, что сумма намного больше, чем те деньги, которые она выжимала из своей несуществующей зарплаты,

чтобы содержать его все это время.

“Это довольно много?”

“Дело не в том, чтобы расплатиться с долгами. Это от чистого сердца. Просто прими это”.

"Да. Спасибо".

Хотя их семилетние отношения заканчивались именно так, Хен спокойно положила конверт с деньгами в карман.

"мне жаль."

“да”.

Он сказал, что её отец был судьей, мать - прокурором, а старший брат - юристом.

С таким семейным прошлым, как у него, это, несомненно, стало бы хорошей системой поддержки для такого человека, как он, у которого не было никаких связей. На самом деле Хен не испытывала к нему никакой неприязни.

Она лучше, чем кто-либо другой, знала, каким одиноким и отчаявшимся может быть человек, оставшийся один в мире, когда ему не на кого положиться.

Хен также потратила свои сбережения на помощь своему парню, но он работал репетитором, одновременно подрабатывая на четырех работах с неполной занятостью, и спал всего два часа в день в течение нескольких лет.

Ей вспомнились его всегда усталые глаза и бледные, тонкие запястья, на которых не было цвета кожи.

Даже когда он приходил навестить Хен, выглядя так, будто вот-вот упадет от усталости, он всегда приветствовал её сияющей улыбкой.

Ему даже удалось оплатить её операцию, когда ей пришлось перенести экстренную операцию из-за аппендицита.

Он не мог заставить себя войти в больничную палату, полную женщин. Вместо этого он проводил ночи, готовясь к экзаменам при тусклом освещении гостиной.

Временами это заставляло её чувствовать, что она может преодолеть все, что угодно, как будто

она была не одна. Бывали моменты, когда она чувствовала себя счастливой.

Но теперь все эти воспоминания исчезали, превращаясь в бессмысленные пережитки прошлого.

"Да. Ты упорно трудился, чтобы воспользоваться возможностями. Иди так далеко, как только сможешь".

Хен хотела поддержать его, а не таить обиду.

Однако, разлученная с ним, она больше не хотела продолжать жить. В одно мгновение смысл её жизни исчез.

Поэтому она отправилась к реке Хан.

Река Хан ночью больше походила на черное вязкое существо, чем на реку. Когда она стояла на краю пропасти, дискомфорт и несправедливость захлестнули её с головой.

- Да. Стоит ли этот незначительный разрыв того? Неужели я страдала и жила все это время из-за этого придурка? Нет!

Она похлопала себя по груди, и толстый конверт с деньгами, который она только что получила, стал ощутимым.

'На эти деньги я смогу оплатить обучение в колледже, и у меня еще останется немного денег! Если я объединю их с накопленными сбережениями, я даже смогу окончить университет! Зачем умирать сейчас? Какая разница? Я тоже буду учиться! У меня все получится, и я предстану перед ним с более высокой позиции!'

Благодаря вновь обретенной цели её энтузиазм по отношению к жизни внезапно возрос.

'Какую специальность мне выбрать? Я никогда об этом не задумывался'.

"Стоит ли мне поступать в Норьянджин? У меня сейчас голова идет кругом?"

"Я тоже могу поспать два часа! Если этот придурок смог, что мне мешает?"

С различными мыслями, проносящимися в её голове, и усиленным чувством решимости, Хен возвращалась в свою съемную комнату. Но затем она увидела то, чего не должна была видеть.

Маленький ребенок в грязной и рваной одежде бродил по улице, а мчащаяся машина,

казалось, не замечала его.

"нет!"

Сиротский приют был неплохим местом, но небогатым. Больные дети могли получать медицинскую помощь, но это было не то же самое, что когда мать целый день находится рядом с ними во время лечения.

Став старше, Хеен часто вызывалась заботиться о своих младших братьях и сестрах, когда они плакали от боли.

Она представляла, что если бы у неё была мать, она поступила бы так же. Она утешала своих братьев и сестер силой воображения.

Большинство её братьев и сестер вставали и играли, если только у них не было серьезных заболеваний, но пока она находилась в учреждении, Хеен потеряла троих братьев и сестер из-за болезней и несчастных случаев.

Она терпеть не могла видеть, как умирают дети.

Она не хотела видеть, как это маленькое тельце, еще недавно полное жизненных сил, обмякает и становится безжизненным.

'Нет! Я не хочу этого! Я ненавижу это!'

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/98602/4601495>